

Историческое понимание. Опыт русской философии истории XIX — начала XX вв.*

Герменевтическая традиция в России XIX в. применительно к истории исторического знания (в опыте русской философии истории и историографии) рассматривается автором как вполне новая область междисциплинарных исследований. Актуальность этих исследований мотивируется возможностью выявления или уточнения исторического знания как целостной и диалогически открытой, подвижной реальности взаимного понимания — «сфер разговора», жизненное единство которых может быть вполне поучительно в ситуации эпистемологической разрозненности истории в начале XXI столетия. Исследование герменевтики истории в России XIX в. затруднено рядом обстоятельств. Общим из них является антикварная дистанция — осознание позапрошлого столетия как своего рода познавательной древности, преемственность по отношению к которой была существенно утрачена, фрагментирована после культурных разрывов XX в. Дошедшие до нас исторические тексты, при всей их многочисленности, — осколки былых разговоров, нередко вызывающие недоумение и часто свидетельствующие об их принципиальной недосказанности. В статье показывается и предварительно, на примерах, обосновывается необходимость прояснения сплывающих, диалогических моментов познавательного поведения участников тех живых «сфер», их незавершенности и внутренней взаимности. Основным (прогностическим) выводом статьи является суждение о том, что проявление русской герменевтики истории становится успешным по мере сохранения презумпции доверия к «сфере разговора», активного исследовательского отношения к предельным герменевтическим условиям практик русской исторической мысли, в каждой из которых сказывается тот, «кто говорит».

Ключевые слова: герменевтика, «сфера разговора», русская философия истории, XIX столетие, русская историография, методология истории, историческое понимание.

Pavel Olkhov

HISTORICAL UNDERSTANDING: AN EXPERIENCE OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF HISTORY XIXTH AND EARLY XXTH CENTURY

The hermeneutic tradition is implemented in Russian communities of historians (during the XIXth and at the beginning of XXth century) almost as a new field of interdisciplinary research. The relevance of these studies is motivated by the possibility of identifying or refining historical knowledge as a holistic and dialogically open, moving reality of mutual understanding that vital «spheres of

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01252 «Историческая память и историческое понимание: эпистемологические риски обращения к нарративу».

conversation» of which can be quite revealed and cognitively appreciated at the beginning of the XXIst century in a situation of epistemological fragmentation of history. The study of the hermeneutics of history in Russia in the nineteenth century is difficult in a number of circumstances. The common one is the «antique» distance or the awareness of the XIXth century as a kind of *l'ancien régime* dialogically lost, fragmented after cultural breaks of the twentieth century. The historical texts that have come down to us, for all their multiplicity, are fragments of past conversations, often causing bewilderment and often testifying to their fundamental understatement. The article shows preliminary the necessity of clarifying the rallying, dialogical moments of the cognitive behavior of the participants of those living «spheres», their incompleteness and internal reciprocity. The main (prognostic) conclusion of the article is the proposition that the manifestation of Russian hermeneutics of history becomes successful as far as the presumption of trust in the «sphere of conversation» preserved, and the active research attitude to the ultimate hermeneutical conditions perceived in practice of Russian historical thought.

Key words: hermeneutics, «scope of conversation», Russian philosophy of history, XIXth century, Russian historiography, methodology of history, historical understanding.

«Когда бы, человек, — я был пустым собранием
Висков и губ и глаз, ладоней, плеч и щек!
Тогда б по свисту строф, по крику их, по знаку,
По крепости тоски, по юности ее
Я б уступил им всем...»

Б. Пастернак. Разрыв (1919)

ХIX столетие — «золотой век» исторического мышления в России, своего рода познавательная древность, трудно постигаемая после радикальных культурных разрывов. Терапия этих разрывов — предмет отдельного исследования; припомню только, что к исходу XX века она вполне достигала сильных, символических значений. Мое личное воспоминание — беспрецедентное публичное выступление Ю.Н. Афанасьева перед участниками пленарного заседания конференции ведущих историков Франции, Италии, США, Бразилии, Мексики, Китая и России, собравшихся в Москве в 1989 г., в связи с 60-летним юбилеем «Анналов». Доклад Ю.Н. Афанасьева был неожиданно откровенным; я начал было записывать, но вскоре понял, что это невозможно. Афанасьев говорил свободно и довольно быстро, обращаясь к аудитории в нараставшей тишине. Заседание проходило в гостинице «Спорт» (на проспекте Вернадского), в респектабельном конференц-зале. За масштабной трибуной, с которой говорил Ю.Н. Афанасьев, располагался президиум из историков вполне свободного закала — Ж. Ле Гофф и, насколько помню, А.Я. Гуревич и Ю.Л. Бессмертный. Выступление оказалось

своего рода познавательной исповедью — покаянием историка, за девять лет до этого, в 1980 г., издавшего монографию «Историзм против эклектики: Французская историческая школа “Анналов” в современной буржуазной историографии»¹. Уже название вводило в заблуждение: «Анналы» если и были школой, то разве что в метафорическом смысле — как журнал, в котором встречались и вступали в общение, познавательно интегрировались практикующие историки разных предметных ориентаций («Анналы» были центром историографического движения, в котором обновлялись и преобразовывались, преимущественно антропологически, традиции исторического понимания). Остальное было ложью. «Нешкола» не могла быть эклектичной в каком бы то ни было смысле этого слова; «историзм» — некая идейная аксиома марксистской отечественной исторической науки — для сторонников «Анналов» был скорее проблемой теоретического порядка, косвенно значимой для их собственных познавательных практик, и т. д. Афанасьев публично отрекался от лжи, им допущенной, перед теми, кто был ею оскорблен. Во всей истории исторической мысли подобные акты свободного покаяния историков единичны; в новейшей отечественной исторической мысли метанойя Ю.Н. Афанасьева была и остается единственной. Мне было тогда 28 лет; я сидел, не шелохнувшись, едва представляя сокрушительные для тогдашнего историографического l'ancien régime последствия. Терапия символическим и в самом деле была сильной, но отнюдь не глубокой. Искренность пережила свое яркое возрождение, но славное прошлое русского исторического мышления — в его собственной исторической жизненности — оставалось малодоступным.

В течение почти тридцати лет, прошедших с тех пор, «залгавшийся ангел»² истории XX в. был многократно изобличен. Многие исторические тексты XIX столетия переизданы; мы избавлены от страха изоляции перед неизвестностью той познавательной старины, которая давно уже возобновляется вместе с именами и трудами историков, некогда крепко позабытых. Более того, мы вполне располагаем уникальными программами герменевтических настроек отечественного исторического мышления, некогда созданными или намеченными в различных парадигмальных плоскостях Г.Г. Шпетом, М.М. Бахтиным, и довольно хорошо знаем

¹ *Афанасьев Ю.Н.* Историзм против эклектики: Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М.: Мысль, 1980.

² *Пастернак Б.* Разрыв // Слова. Серебряный век. URL: <https://slova.org.ru/pasternak/gazuyvoangel/> (дата обращения: 18.01.2019).

диалогизирующий фон этих программ в зарубежной герменевтике истории. Однако применимость этих программ к познавательной античности, русской исторической мысли весьма избирательна. Почти в каждой из крупных, признанных «сфер разговора» XIX столетия, имеющих исторические установки, и уже как будто систематически представленных в текстах, выведенных или выводимых из архивного в публичное исследовательское пространство, обнаруживаются «слепые зоны» их понимания, довольно чувствительная для продолжения исследований недосказанность, которую не компенсирует общая осведомленность об обстоятельствах происхождения и сюжетной схематике исторически ангажированных текстов, объективирующий анализ и реконструкция их общей семантики. Неясным часто остается собственно диалогический, спланивающий момент поведения участников тех живых «сфер»; недосказанной, незримой нередко оказывается их незавершенность и внутренняя взаимность.

В истории русской философии истории весьма озадачивают, скажем, полемические шквалы, нередкие в тех сферах разговора, которые приходили в движение при участии В.С. Соловьева. Прошли времена беспечного «соловьевоцентризма» (хорошо известно о том, как он давал себя знать в дидактических версиях истории философии Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского и др.)³. Однако представление о месте и значении В.С. Соловьева — хотя бы как весьма увлекающегося собеседника — исследовательски только намечено. Показательна, к примеру, история полемик В.С. Соловьева и Н.Н. Страхова насчет философии истории Н.Я. Данилевского, ее типологической возможности, затянувшаяся на десятилетия и имевшая некоторые долговременные следствия, в т.ч. некоторую профессиональную диффамацию Н.Н. Страхова⁴. Эмоционально-ценностная настроенность, доходящая до амикошонства, атакующая эпистемологическая риторичность Соловьева и собеседников, доверившихся ему и согласившихся с ним, создают довольно ощутимые помехи для различения других сфер философско-исторического разговора (как минимум, 70–80-х гг. XIX в.) и нуждаются в дополнительном прояснении. Предположу, что с этими помехами связано и схематичное представление о русском кантианстве как о некотором университетском движении, без учета того продуктивного интереса к

³ См., напр.: *Ильин Н.П.* Трагедия русской философии. Ч. I. От личины к лицу. Введение в принципы историко-философского понимания. СПб.: Первая линия, 2003.

⁴ См., напр.: *Мотовникова Е.Н.* Национальный вопрос: опыт социальной герменевтики Н.Н. Страхова // Вопросы философии. 2014. №11. С. 69–78.

Канту, который проявлял себя в сфере «органического» разговора, нетривиальными участниками которого были и П.Д. Юркевич (наставник В.С. Соловьева), и Н.Н. Страхов, А.А. Фет (Шеншин) и др. В «слепой зоне» разговоров о философии истории и русская герменевтика трудов И.В. Гёте и почитавшего его «лучшего рассказчика Англии», философски афористичного историка Т. Карлейля, к чему соловьевоцентризм не имеет никакого особенного отношения. Замечу еще, что диалогически предметной, «сферичной» была и гегелевская идея истории, отнюдь не сводимая к социально-деятельным восприятиям, задачам «изменения мира», воспринимаемая часто метафизически вполне сдержанно и т. д.

Впрочем, и в историческом литературоведении XIX в. мало прояснены и диалогически уточнены те сферы исторического литературно-критического разговора, которые с некоторой «органической», герменевтической интенсивностью тематизировались фрагментарно представляемыми теперь Н.И. Надеждиным, А.А. Григорьевым, Н.Н. Страховым; что особенно досадно, почти не исследованы пересечения этих разговоров с теми академическими движениями, которые связываются сильнее всего с именем А.Н. Пыпина, видного «прогрессора» во множестве сфер тогдашней истории литературы. Между тем «критическая поэма» Н.Н. Страхова о Л.Н. Толстом, открывшего русскому обществу Толстого-мыслителя, возможна как раз в ситуации разговора⁵.

Но, пожалуй, наименее доступно для исследований недосказанное в сферах разговора историков общественной (социально-политической и экономической) жизни, причем разговора именно эпистемологического или «методологического», как тогда стало принято говорить. Образцовой здесь можно считать «Методологию истории» А.С. Лаппо-Данилевского. Масштабная дидактика исторического познавательного ремесла, представленная здесь, пестрит особого рода герменевтической непосредственностью историка, которую можно принять за безапелляционность и при этом недосказанность. Исследовательски, скажем, вполне обезоруживает то, что Лаппо-Данилевский почти не припоминает методологические привычки и склонности русских историков, ограничивая свой энциклопедизм западным (главным образом, немецким и французским) методологическим опытом историографии. Нет упоминания хотя бы имени Н.М. Карамзина, методологически отнюдь не наивного историка; непродуктивным и

⁵ См., напр.: *Ольхов П.А.* Диалог и история: экзистенциальные аспекты исторического мышления в XIX–XXI вв. М.: Научная книга, 2011. С. 92–101.

неожиданно неосторожным может показаться пренебрежительное отношение Лаппо-Данилевского к методологическому опыту К.Н. Бестужева-Рюмина, своего учителя, и т. д. Понятно, что здесь не встретить анализа методологического этоса историков органической традиции (однажды припоминая Н.И. Надеждина, Лаппо-Данилевский связывает его не с историей исторического понимания, а с народническим движением, прежде всего). Не принимая во внимание «сферу разговора» А.С. Лаппо-Данилевского, можно заподозрить его и в некотором идеологическом энтузиазме, вплоть до предположения герменевтической бесчувственности у историка, который последовательно фиксирует идейное начало, например, у Ф. Шлейермахера, Л. фон Ранке или у И.-Г. Дройзена, Г.Г. Гервинуса, не замечая герменевтической содержательности, понимающих начал их исторических разработок, отнюдь не сводимых к некоей онтологической самодостаточности идей, как точных условий исторической критики. Но это, в свою очередь, трудно согласуется с тем, что известно о «творческой интенциональности»⁶ его мышления, принципиальной открытости его собственного методологического этоса.

«Природа любит прятаться». В осколочных недосказанностях скрывается собственно герменевтическая традиция XIX столетия, то преемство исторического, которое возникало в трудах крупнейших деятелей русской герменевтики истории, от Н.М. Карамзина или Н.И. Надеждина, А.А. Григорьева и Н.Н. Стрехова до В.В. Розанова, Ф.Э. Шперка, Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина. Напрасным было бы представлять историю русской герменевтики через некоторое рядоположение: герменевтическая традиция здесь отличается особого рода этико-антропологической дотошностью, теоретической осмотрительностью каждого, в ком она дает себя знать. Это не традиция последовательно школьной передачи некоего исторического ремесла; прямое теоретическое моделирование или иерархическая реконструкция этой традиции были бы большой интерпретационной вольностью по отношению к ней. Проявление этой традиции, невозможное сугубо умозрительно, становится успешным по мере активного отношения к тем диалогически предельным практикам оцельнения русской исторической мысли, в каждой из которых сказывается тот, кто исследует, «кто говорит» — не оставляя презумпцию доверия к «сфере разговора», но и не обезличивая ее, не делая попыток устраниться из нее в некоторое внешнее признание ее понятности.

⁶ Корзун В.П. А.С. Лаппо-Данилевский: первые опыты интеллектуальной истории в российской гуманитаристике // Клио. 2013. № 12. С. 77.

Литература

Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики: Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М.: Мысль, 1980.

Ильин Н.П. Трагедия русской философии. Ч. I. От личины к лицу. Введение в принципы историко-философского понимания. СПб.: Первая линия, 2003.

Корзун В.П. А.С. Лаппо-Данилевский: первые опыты интеллектуальной истории в российской гуманитаристике // Клио. 2013. № 12. С. 77–82.

Мотовникова Е.Н. Национальный вопрос: опыт социальной герменевтики Н.Н. Страхова // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 69–78.

Ольхов П.А. Диалог и история: экзистенциальные аспекты исторического мышления в XIX–XXI вв. М.: Научная книга, 2011.

Пастернак Б. Разрыв // Слова. Серебряный век // <https://slova.org.ru/pasternak/razryvoangel/>